

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе.

Глава первая. Историческій ходъ развитія новыхъ ученій въ уголовной антропологіи	1
Глава вторая. Уголовно-антропологическіе вопро- сы на международныхъ конгрессахъ	39
Глава третья. Явленія вырожденія, преступность и типы психической неуравновѣшенности . .	122
Глава четвертая. Неуравновѣшенные наслѣдствен- ники и ихъ вліяніе на строй общественной жизни	153
Глава пятая. Убійства и убійцы	185
Глава шестая. Нѣкоторые изъ социальныхъ фак- торовъ преступности	243
Заключеніе	283

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Явленія человѣческой преступности и причины ихъ поражающія въ наше время постепенно все болѣе сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе какъ ученыхъ, такъ и общества. Въ послѣднія два десятилѣтія въ наукѣ уголовного права совершается настоящая революція: измѣняются объектъ и приемы изученія и значительно расширяются предѣлы послѣдняго. Возникаетъ новая научная школа—уголовно-антропологическая. Она оставляетъ старый невѣрный путь—путь произвольныхъ логическихъ построеній, обращается къ помощи естествознанія, прибѣгаетъ къ наблюденію и опыту—единственно надежнымъ научнымъ приемамъ, и, взамѣнъ мертвыхъ отвлеченныхъ формулъ, дѣлаетъ объектъ своего изученія разнообразности дѣйствительнаго живаго преступника со всѣми ихъ многообразными особенностями, проявляющимися въ совершаемыхъ преступленіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она направляетъ свое изученіе и на причины преступности, какъ близкія, такъ и болѣе отдаленныя, кроющіяся иногда не только въ глубинѣ личнаго, но и наслѣдственнаго прошлаго дѣятелей преступленія. При этомъ она сосредоточиваетъ свое вниманіе въ равной мѣрѣ какъ на причинахъ субъективныхъ—психофизическихъ особенностяхъ преступника, такъ и на причинахъ объективныхъ—окружающихъ условіяхъ общественной жизни, которыя съ одной

стороны способствуют развитію предрасполагающихъ къ преступленію особенностей личности, а съ другой—при неблагопріятныхъ условіяхъ обстановки, наталкиваютъ уже предрасположенныя природы на совершеніе преступленій.

Уголовно-антропологическая школа ставитъ основною цѣлью своего изученія изысканіе дѣйствительныхъ средствъ для возможно большаго огражденія общества отъ зла преступленія и притомъ съ возможно большею пощадою виновника преступнаго дѣянія, въ которомъ, не смотря на его большее или меньшее развращеніе, она видитъ человѣка и члена человѣческаго общества, хотя и прегрѣшившаго. Главнѣйшими средствами огражденія общества она считаетъ мѣры предупрежденія противъ порчи и паденія, а средствами второстепенными—наказаніе, цѣль котораго исправленіе. Новая школа отказывается поэтому отъ исканія произвольныхъ уровнейъ несоизмѣримыхъ въ ихъ существѣ зла преступленія и зла наказанія и задается по отношенію къ преступнику только разумно-утилитарными цѣлями, которыя вполнѣ совпадаютъ и съ цѣлями нравственными.

Это новое направленіе въ наукѣ уголовного права было вызвано къ жизни многими могущественно дѣйствовавшими причинами. Съ одной стороны, значительно подвинувшееся впередъ въ настоящемъ столѣтіи развитіе фізіологической и патологической психологіи, по самой связи явленій, принудительно подчинило новымъ взглядамъ и науку уголовного права и сдѣлало невозможнымъ сохраненіе взглядовъ прежнихъ, завѣщанныхъ глубокой стариной и формами древнихъ отношеній.

Съ другой стороны, удивительное развитіе техники послѣдняго времени и все усиливающееся вторженіе по-

стоянно совершенствуемыхъ машинъ почти во всѣ отрасли производства создаютъ коренной переворотъ во всемъ строѣ отношеній, постепенно выбрасываютъ на рынокъ все новыя количества незанятыхъ рукъ, тоскливо ожидающихъ труда и занятій, и создаютъ особый разрядъ лицъ, къ которымъ самими фактами жизни примѣняется страшное названіе «людей лишнихъ». На ряду съ этимъ идетъ все увеличивающееся сгущеніе населеній въ громадныхъ городскихъ центрахъ и усиленіе пульса общественной жизни, вызываемое ходомъ ускореннаго развитія, въ которомъ каждое послѣдующее непременно обусловлено всею суммою своихъ предшествующихъ.

Все это и многое другое принудительно выдвигаютъ на первый планъ общественные вопросы, въ ряду которыхъ вопросы преступности, съ одной стороны, и обездоленности съ другой, съ соотвѣтствующими имъ вопросами репрессіи и общественнаго призрѣнія—занимаютъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, какъ вопросы о болѣзняхъ и убожествахъ общественнаго организма. Спросъ же всегда порождаетъ предложеніе, а потребность вызываетъ изученіе средствъ къ ея удовлетворенію—въ данномъ случаѣ—изученіе явленій преступности и средствъ къ ея предупрежденію и леченію, чѣмъ и занялась уголовная антропология.

Автору настоящихъ этюдовъ пришлось принять посильное участіе въ дѣлѣ развитія новыхъ взглядовъ въ области, уголовного права и, въ теченіи сравнительно долгаго уже періода занятій, помимо большихъ сочиненій, напечатать въ различныхъ журналахъ довольно значительное число отдѣльныхъ статей. Единство предмета, единство направленія и взглядовъ, сохранившихъ

свои особенности на пространствѣ многихъ лѣтъ работы, даютъ ему возможность отвѣтить согласіемъ на сдѣланное ему предложеніе и соединить нѣкоторыя изъ его статей въ одно органическое цѣлое съ небольшими лишь ихъ измѣненіями, обусловливаемыми самимъ процессомъ и цѣлью объединенія. Будучи убѣжденъ, что содержаніе соединяемыхъ статей нисколько не утратило того значенія, какое оно имѣло во время ихъ первоначальнаго печатанія, авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что выпускаемая имъ книга принесетъ посильную пользу дѣлу распространенія въ обществѣ тѣхъ взглядовъ, въ вѣрности основы которыхъ онъ глубоко убѣжденъ.

Петербургъ,
19 мая 1895 г.

Историческій ходъ развитія новыхъ ученій въ уголовной антропологіи.

Въ 1808 г. въ Парижъ прибылъ нѣмецкій медикъ Gall. Его сильный, ясный умъ, его знанія и блестящее изложеніе очень скоро обратили на него всеобщее вниманіе и стали привлекать къ нему многочисленныхъ слушателей, восторгавшихся чтеніями великаго учителя. «Я всегда буду помнить» — говоритъ знаменитый натуралист Geoffroy Saint-Hilaire, — «наше удивленіе, наши чувства и нашъ энтузіазмъ въ то время, когда докторъ Gall излагалъ намъ въ первый разъ въ королевскомъ саду свои анатомическіе факты». Въ аудиторію Gall'я стекались не только медики, но и сенаторы, генералы, государственные сановники и лица различныхъ профессій, чтобы слушать его увлекательное изложеніе «системы природы», какъ онъ самъ называлъ свое ученіе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока однажды на вечерѣ Наполеонъ I не высказалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о доктринѣ Gall'я. На другой же день высокопоставленные лица покинули аудиторію знаменитаго профессора, перемѣнили тонъ и вооружились противъ его ученія. За ними выступили журналисты, и тогда сарказмъ и иронія стали безпощадно преслѣдовать творца френологіи, который вынужденъ былъ удалиться въ Англію.

Съ 1810 по 1819 г. начала появляться знаменитая и

составляющая эпоху работа Gall'я и его извѣстнаго и талантливаго ученика Spurzheim'a—«*Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier*». Въ предисловіи къ ней Gall рассказываетъ, что еще въ юности, живя въ своей многочисленной семьѣ и среди своихъ многочисленныхъ товарищей, онъ началъ подмѣчать, что каждый человѣкъ имѣетъ какую-либо свою рѣзко выраженную психическую особенность, которая отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ людей и опредѣляетъ характеръ его отношеній къ нимъ. Еще тогда же онъ началъ наблюдать и отмѣчать постоянныя связи такихъ особенностей съ физическими особенностями организма.

Надо замѣтить, что въ то время, вслѣдствіе всего хода постепенно подвигавшихся впередъ наблюденій природы, мысль о подобныхъ устойчивыхъ связяхъ была далеко не нова; она ожидала лишь болѣе прочнаго научнаго обоснованія. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія она послужила, наприм., знаменитому I. Lavater'у для построенія полной и всесторонней системы «физиогномики» или науки искусства «понимать своеобразную рѣчь природы, написанную на лицѣ человѣка и во всей его внѣшности» и «узнавать его внутреннее по его внѣшнему» («*Essai sur la physiognomonie destiné à faire connaître l'Homme et à le faire aimer*». Zurich, 1781). «Нельзя слишкомъ часто повторять», замѣчаетъ Lavater— «что приписываніе всего произвольнымъ причинамъ, слѣдующему случаю, не подчиняющемуся ни правиламъ, ни закону,— это философія безумцевъ, это смерть истинной науки, истинной философіи и истинной религіи. Уничтожать это заблужденіе и бороться съ нимъ повсюду, гдѣ оно встрѣтится,— долгъ каждаго истиннаго ученаго, философа и теолога».

Въ основу своего труда Lavater положилъ плодотворную

мысль о постепенномъ развитіи, совершающемся подъ вліяніемъ повторяющихся упражненій и опытовъ. «Одно и то же состояніе духа», — такъ выясняетъ и обосновываетъ онъ свой взглядъ, — «порождаетъ во всёхъ частяхъ лица, въ соотвѣтствіи съ болѣе или менѣе частымъ повтореніемъ, постоянный пріятный или непріятный отпечатокъ. Определенныя состоянія духа, часто повторяющіяся, порождаютъ наклонности; наклонности становятся привычками, а изъ привычекъ рождаются страсти».

«Красота и безобразіе лица находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ нравственною стороною человѣка». «Всякая безпорядочность болѣе или менѣе вліяетъ на физическую сторону, портитъ, ослабляетъ и деградируетъ ее. Напротивъ, нравственная энергія и дѣятельность предупреждаютъ эту деградацию, располагаютъ ко всему, что честно и прекрасно, и вслѣдствіе того, порождаютъ выраженія красоты». Безобразія — это слѣдствія болѣзней и хилости; добродѣтели же способствуютъ поддержанію и развитію здоровья и постепенно вырабатываютъ хорошую органическую конституцію. «Пройдите по госпиталю, по смирительному дому, обитатели которыхъ образуютъ собраніе порочныхъ, лѣнивыхъ и развратныхъ людей, предающихся пьянству и покрытыхъ лохмотьями, и сравните ихъ съ обществомъ моравскихъ братьевъ, менонитовъ или только съ обществомъ трудолюбивыхъ рабочихъ, и вы убѣдитесь въ справедливости моего утвержденія».

Но если человѣкъ способенъ къ паденію, то онъ способенъ и къ подъему, и, притомъ, на ступень высшую той, на которой онъ стоялъ прежде. Средствомъ подъема служить вліяніе воспитанія, закрѣпляемаго браками. Воспитаніе въ теченіе одного поколѣнія далеко не всемогуще. Необходимо еще считаться съ наследственностью. «Черты и формы переда-

ются рожденіемъ; нравственныя наклонности передаются тѣмъ же путемъ». «Кто можетъ отрицать», — говоритъ Lavater, — «что при извѣстныхъ формахъ головы, при извѣстныхъ сложеніяхъ, люди прирожденно бываютъ способны или неспособны къ испытыванію опредѣленныхъ чувствъ, къ приобрѣтенію опредѣленныхъ талантовъ и къ опредѣленнымъ родамъ дѣятельности?» «Желать принудить человѣка думать и чувствовать такъ, какъ мы думаемъ и чувствуемъ, равносильно требованію, чтобы его лобъ и носъ приняли формы нашихъ». Только *нарождающееся* вліяніе воспитанія, закрѣпляемаго соответствующими браками, открываетъ «другу чело-вѣчества перспективы счастья» и пробуждаетъ въ немъ надежду на «утѣшительное будущее».

Интересно, что Lavater хорошо знаетъ и неодолимыя влеченія. Онъ приводитъ два случая подобныхъ влеченій къ воровству и замѣчаетъ о страдавшихъ ими, что «такихъ людей надо болѣе жалѣть, нежели презирать».

Но вернемся къ Gall'ю, которому въ то время, когда мы его покинули, предстояло научно обосновать его пока еще поверхностныя наблюденія. Для этого онъ занялся медициной.

«Мнѣ много говорили о функціяхъ мускуловъ внутренностей и т. д.», — такъ рассказываетъ онъ о своихъ занятіяхъ, — «но мнѣ ничего не говорили о функціяхъ мозга и его различныхъ частей». И вотъ онъ самъ не замедлилъ по-полнить пробѣлъ. «Я предполагалъ сначала, и это не замедлилъ потомъ возвести въ достовѣрность, что различія въ формѣ череповъ вызываются различіями въ формѣ мозговъ», — говоритъ онъ.

«Не было ли очень естественно надѣяться тогда, что, открывъ и констатировавъ у людей, одаренныхъ замѣчатель-